

БИРЮЗА

The book cover features a dramatic winter scene. In the foreground, a man and a woman stand on a frozen body of water. The ice beneath them is translucent and glows with a vibrant green light, resembling the Russian word for emerald. Their dark silhouettes are reflected in the shimmering ice. The background shows a snowy landscape with dark, snow-laden evergreen trees and a few bare, skeletal trees. The sky is a heavy, dark grey, suggesting an overcast day. The overall mood is mysterious and ethereal.

РОМАН

18+

Илья Глянц Бирюза

*<https://litres.ru/74210787>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Сложное, многослойное произведение, которое начинается как жесткий социальный триллер, а заканчивается как мистическая притча о любви и слиянии человека с природой.

Циничный антикризисный менеджер из Москвы прибывает в сибирскую глушь, чтобы любыми методами сломить, стереть этот посёлок с лица земли, мешающий добыче редких металлов. Но вместо войны он втягивается в одержимую, смертельно опасную романтическую связь с лидером «эко-сопротивления», когда выясняется, что под бирюзовым льдом спит то, что старше человечества, способное уничтожить их обоих.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Илья Глянц

Бирюза

Глава

ПРОЛОГ

Лёд

Озеро не имело названия на картах.

На старых советских топографических съёмках 1967 года оно значилось как «б/н» без номера, без имени, просто голубое пятно среди контуров изолиний, зажатое между хребтом и распадом. Кто-то в Иркутском картографическом управлении обвёл его тонкой синей линией, поставил галочку и пошёл дальше. Так и осталось: пятно без имени, окружённое чёрной щетиной тайги.

Местные звали его по-разному. Старики говорили «Море» с большой буквы, с придыханием, как говорят о чём-то живом, капризном, опасном. Молодёжь «Яма», потому что глубина его была неизвестна: в самом центре, по слухам, щуп не доставал дна даже на трёхстах метрах, хотя геологи из экспедиции восьмидесятых утверждали, что это чушь, что максимальная глубина сто сорок два метра, и всё.

Яна звала его просто: Бирюза.

Не из-за воды. Вода летом была тёмной, почти чёрной, с холодным изумрудным отливом. Бирюзой становился лёд.

Это случалось в конце января, когда морозы валили за тридцать пять и держались неделями, вымораживая из воздуха всякую влагу, всякий запах, всякий звук. Тогда лёд на озере нарастал до метра и больше, и, если в это время стоял тихий, безветренный день, и, если солнце пробивалось сквозь низкие сибирские облака хотя бы на полчаса лёд становился бирюзовым.

Не синим. Не голубым. Именно бирюзовым тем странным, невозможным цветом, который бывает только на камне, на ювелирных изделиях в витринах, на фотографиях тропических морей, но никак не на замёрзшей пресной воде посреди сибирской тайги. Он светился изнутри, как будто под льдом горел холодный зелёный огонь, как будто само озеро было огромным, замёрзшим драгоценным камнем, который кто-то забыл здесь в начале времён.

Яна видела это каждый год с самого детства. И каждый раз, выходя на лёд ранним утром, когда ещё темно, но уже чувствуется, что скоро рассвет, она замирала. Не от красоты. От страха.

Красота пугает только тех, кто понимает: за неё всегда придётся платить.

В ту ночь, когда всё началось, Яне снился отец.

Не живой каким она помнила его в детстве: с бородой,

пахнувший керосином и табаком, с большими тёплыми руками, которые могли поднять её одной рукой к потолку. А мёртвый. Тот, которого привезли в цинковом ящике из шахты номер четыре в две тысячи восьмом, с обгоревшим лицом, которое матери не дали увидеть, «не надо, Софья, не надо, вы не должны», и который лежал теперь на поселковом кладбище под кривым деревянным крестом с фотографией, где ему было двадцать пять, а не тридцать восемь, и он улыбался так, будто знал что-то, чего не знал никто другой.

Во сне он стоял на дне озера. Вода была вокруг него, но он не тонул. Он стоял на грунте, среди ила и камней, и смотрел вверх, на Яну, которая стояла на льду, прижав ладонь к поверхности. Между ними был метр прозрачного льда, и сквозь него она видела его лицо спокойное, без обожжённых участков, молодое, с бородой, и он шевелил губами.

Она не слышала слов. Но понимала.

*Не пускай их. Не пускай. *

Яна проснулась в темноте. В комнате было минус шесть батарея еле дышала, и изо рта шёл пар, еле заметный в свете уличного фонаря, пробивавшегося сквозь грязное окно. Она лежала под тремя одеялами, в шерстяных носках, в термобелье, и всё равно зубы стучали.

Часы на стене показывали 04:17.

За окном ни звука. Ни ветра, ни собак, ни моторов. Та абсолютная, давящая на барабанные перепонки тишина, которая бывает только в сибирских посёлках в январе, когда

вся жизнь прячется по норам, как зверь, и даже трубы теплотрассы замолкают, потому что котельная экономит уголь и подаёт тепло только ночью, на минимуме.

Яна села. Спустила ноги на ледяной пол. Посмотрела на свои руки.

На левой шрам от запястья до локтя. Тонкий, белый, похожий на нитку. Ожоги, не порез. Два года назад, когда она вытаскивала Толика из горящего «Урала» после того, как корпоративные охранники подожгли их грузовик на лесовозной дороге. Толик выжил. Шрам остался.

Она сжала руку в кулак. Разжала.

*Не пускай их. *

Яна встала. Натянула штаны, свитер, телогрейку. Валенки. Шапку. Перчатки. Вышла в сени, где на гвозде висел багор длинный, тяжёлый, с острым наконечником. Сняла его. Проверила лезвие пальцем.

Вышла на улицу.

Мороз ударил в лицо, как пощёчина. Минус тридцать четыре, не меньше. Воздух был настолько сухим, что ноздри слипались при вдохе. Снег под ногами не хрустел, а скрипел тот особенный звук, который бывает только в сильный мороз, когда снежинки не ломаются, а сминаются, превращаясь в стеклянную пыль.

Яна шла к озеру.

Тропинка была знакомой до миллиметра. Она ходила по ней тысячи раз в школу, на рыбалку, на свидания (одно, в

шестнадцать лет, неудачное), на кладбище (к отцу, к матери, к бабке). Тропинка шла между старыми деревянными домами, мимо покосившихся заборов, мимо гаражей с ржавыми воротами, мимо котельной, из трубы которой шёл еле заметный белый дымок.

Озеро открылось внезапно, как всегда.

Оно лежало в котловине, окружённое чёрной стеной тайги, и даже в темноте, без солнца, без луны, лёд светился. Еле-еле, почти на грани восприятия, но светился тем самым бирюзовым свечением, которое бывает только в конце января. Яна стояла на обрыве и смотрела вниз.

Она знала, что пойдёт на лёд. Знала до того, как проснулась.

Спустилась по крутому склону, цепляясь багром за корни и камни. Вышла на лёд.

Он был толстый, крепкий, надёжный. Метр пресноводного льда выдерживает даже «Урал», не то что человека. Яна шла по нему легко, зная, где можно ступать, где трещины, где лунки, которые не замерзают даже в сорок градусов, потому что внизу родники.

Она прошла метров двести от берега. Остановилась. Посмотрела вниз.

В толще льда, на глубине примерно полутора метров от поверхности, что-то было.

Сначала она подумала коряга. Или камень, вмёрзший в лёд, когда вода схватывалась поздней осенью. Но потом при-

смотрелась.

Это была рука.

Человеческая рука. В рукаве тёмной куртки, с растопыренными пальцами, обращёнными вверх, к поверхности. К ней.

Яна присела. Приложила ладонь ко льду. Холод обжёт кожу сквозь перчатку. Она сняла перчатку, приложила голую ладонь. Пальцы под льдом были в сантиметре от её пальцев, разделённые только прозрачной толщей.

Лица не было видно тело лежало лицом вниз. Но по одежде, по росту, по тому, как куртка надулась и застыла подо льдом, она узнала его.

Серёга. Сергей Петрухин. Двадцать девять лет. Два дня назад ушёл в тайгу на снегоходе и не вернулся. Все решили загулял, застрял где-то, скоро объявится.

Не объявился.

Яна смотрела на руку под льдом. Минут пять. Может, десять. В мороз время идёт иначе оно не течёт, а крошится, как лёд, мелкими осколками, каждый из которых режет.

Потом она достала из кармана пачку «Мальборо», сломала одну сигарету, сунула в рот, прикурила. Зажигалка не работала с первого раза газ замёрз. Со второго дала искру.

Яна затянулась. Выдохнула. Дым лёг на лёд, пополз к руке Серёги, как живое существо, как маленький призрак.

Ну и черт с тобой, сказала она тихо. Сам виноват.

Она знала, почему он здесь. Знала, что он делал в ту ночь,

когда ушёл. Знала, кому он задолжал и что пытался украсть. И знала, что, если бы он пришёл к ней она бы помогла. Но он не пришёл. Гордость. Мужская сибирская гордость, от которой гибнут чаще, чем от мороза.

Яна встала. Развернулась. Пошла обратно к берегу.

И тут увидела их.

Далеко, на другом конце озера, там, где трасса выходила из тайги и петляла вдоль берега, шли огни. Фары. Много фар. Пять, шесть, семь машин они ползли по дороге медленно, как колонна, разрезая темноту жёлтыми лучами.

Яна остановилась. Смотрела.

Машины были большие. Не легковушки. «Уралы», «КамАЗы», может, даже вахтовые автобусы. Они шли не в посёлок они шли вдоль берега, к тому месту, где летом были разведочные скважины, а зимой только снег и пустота.

Яна знала, что это значит.

«СибРесурс» приехал.

Она стояла на льду, в четырёхстах метрах от берега, в сорокаградусный мороз, в темноте, с багром в руке и сигаретой в зубах, и смотрела на огни, которые ползли по берегу, как змея, которая ищет, куда вонзить зубы.

И думала только одно:

*Не пушу. *

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Чистильщик

Москва встретила его дождём.

В январе в Москве идёт дождь. Это абсурд, это издевательство над здравым смыслом, но это факт: двадцать первого января, когда Марк вышел из метро «Выставочная» и пошёл к башне «Федерация», с неба лил мелкий, противный, ледяной дождь, который не превращался в снег, хотя температура была минус два. Он оседал на всей тонкой корке на машинах, на тротуарах, на пуховиках прохожих, и люди скользили, падали, матерились, и такси разворачивались на мостах, потому что МКАД стоял в десятибалльной пробке.

Марк не скользил. Он шёл ровно, как ходят люди, привыкшие к тому, что земля под ногами может быть любой ледяной, грязной, зыбкой, и что падать нельзя, потому что за тобой смотрят.

Ему было тридцать два. На вид сорок. Не из-за морщин (морщин почти не было), а из-за глаз. У Марка были глаза человека, который видел вещи, о которых не рассказывают за ужином. Тёмно-карие, почти чёрные, они смотрели на мир без удивления, без интереса, без страха. Просто смотрели и оценивали. Взвешивали. Решали.

Он носил костюм. Тёмно-синий, итальянский, без галстука, с расстёгнутым воротником. В Москве он позволял себе эту маленькую слабость выглядеть как человек, который не боится дресскода, потому что дресскод боится его. В кармане пуховика телефон, в портфеле ноутбук и папка. В голове

список из семи пунктов, которые нужно закрыть до вечера. В желудке кофе и ничего больше, потому что завтракать он перестал три года назад, когда понял, что утром у него нет аппетита, а есть аппетит значит, хотеть чего-то от жизни, а он уже не хотел.

Марк Волков. Антикризисный менеджер. «Чистильщик». Человек, которого корпорация «СибРесурс» отправляла туда, где всё шло не по плану: где местные блокировали дороги, где профсоюзы грозили забастовками, где губернаторы просили слишком много, где журналисты задавали неправильные вопросы. Он не решал проблемы. Он убирал препятствия. Иногда деньгами. Иногда компроматом. Иногда методами, о которых не было принято говорить вслух даже в коридорах «СибРесурса», где слова «закон» и «справедливость» использовали только как ругательства.

Башня «Федерация» возвышалась над Москвой Сити, как памятник человеческому желанию быть выше всех. Девяносто пять этажей стекла и стали, пронзающие серое небо, как игла. Марк вошёл в лобби, показал пропуск, поднялся на лифте на семьдесят восьмой этаж.

Кабинет Глеба Анатольевича Крюкова, вице-президента по региональному развитию, был на углу здания, с панорамными окнами на три стороны. Отсюда Москва казалась игрушечной, маленькие машины, маленькие люди, маленькие проблемы. Крюков любил этот вид. Он говорил, что с такой высоты видно будущее. Марк думал, что с такой высоты вид-

но только чужие крыши.

Крюков ждал его, сидя за столом из чёрного стекла. Ему было пятьдесят пять, но выглядел он на сорок пять спортзал, косметолог, диета, деньги. В девяностые он начинал с ларьков на Черкизовском рынке, в двухтысячные переключился на алюминий, в десятых на редкоземельные металлы, и сейчас «СибРесурс» был его детищем, его игрушкой, его монументом самому себе.

Садись, сказал Крюков, не вставая.

Марк сел.

Кофе?

Нет.

Воду?

Нет.

Крюков усмехнулся. Он любил Марка за то, что тот ничего не хотел. Люди, которые ничего не хотят, не торгуются. А те, кто не торгуется, выполняют задачи.

Северобайкальск два, сказал Крюков, откидываясь в кресле. Ты читал папку?

Да.

И что ты из неё понял?

Что у нас проблема.

У нас, Крюков поднял палец, не проблема. У нас катастрофа. Китайские партнёры выходят из проекта, если мы не дадим им площадку до конца первого квартала. Литий — это нефть двадцать первого века, ты понимаешь? Без лития нет

батарей, без батарей нет электромобилей, без электромобилей нет будущего. А будущее, Марк, это деньги. Много денег. Очень много денег.

Я понимаю.

Месторождение под Северобайкальском два одно из крупнейших в стране. Разведанные запасы двести тысяч тонн карбоната лития. Это миллиарды долларов. Но чтобы до него добраться, нужно убрать посёлок. Триста домов, тысяча двести жителей, школа, больница, котельная, кладбище. Всё должно исчезнуть. К марту.

К марту, повторил Марк. Это шесть недель.

Пять с половиной. Китайцы прилетают двадцать восьмого февраля.

Марк молчал. Смотрел на Крюкова.

Что уже делали? спросил он.

Крюков вздохнул. Встал, подошёл к окну.

Всё. Выкупали дома предложили в три раза выше рынка. Не берут. Предлагают квартиры в Иркутске не хотят. Предлагали работу на новом предприятии смеются. Перекрывали дороги, отключали электричество они ставят генераторы. Пытались через суд судья, сука, местный, затягивает. Пытались через губернатора он боится выборов. Пытались через силовиков говорят, «нет оснований».

А основания?

Крюков повернулся. В его глазах было то, что Марк видел у всех людей с деньгами: смесь жадности и страха, что кто-

то отнимет уже почти принадлежащее.

Основания будут. Когда там начнётся добыча. А добыча начнётся, когда не будет посёлка.

А когда не будет посёлка?

Когда ты это сделаешь.

Марк смотрел на него.

Люди. Тысяча двести человек. Куда они денутся?

Это не твой вопрос. Твой вопрос как их убрать. Законно, незаконно, за деньги, за страх мне плевать. Главное, чтобы к двадцать восьмому февраля на площадке не было ни одного человека, ни одного дома, ни одного забора. Понял?

Понял.

Хорошо. Крюков вернулся к столу, достал планшет, кинул Марку. Тут всё. Карты, геология, списки, досье. Особое внимание на двоих.

На экране два профиля. Первый: Зоя Николаевна Собина, 71 год, вдова, бывшая учительница, местный авторитет, «духовный лидер» (Крюков произнёс это с ядовитой усмешкой). Второй: Яна Сергеевна Ковалёва, 26 лет, судимость, подозрение в организации нелегальной логистики.

Яна, сказал Марк, глядя на фотографию. Девушка в телогрейке, волосы под шапкой, взгляд прямой. Шрам на щеке. Кто такая?

Главная головная боль. Она тут как кость в горле. Без неё сопротивление рассыпется за неделю. С ней мы будем биться до бесконечности.

Чем она занимается?

Официально ничем. Неофициально всем. Контрабанда, нелегальные перевозки через границу, серая логистика. На эти деньги она кормит поселковую «самооборону» пяток мужиков, которые жгут нашу технику, блокируют дороги, пускают наших людей. Она не эко активистка, Марк. Она хозяйка. Понимаешь разницу?

Марк кивнул. Понимал. Хозяйка это не тот, кто кричит лозунги. Это тот, кто решает, кому жить, а кому нет. Кто знает, где у каждого скелет в шкафу. Кто может отключить свет и включить его обратно. Кто говорит «мы» и имеет в виду «я».

И начальник ОВД, добавил Крюков. Виктор Иванович Ледаев. Наш человек, формально. Но он местный. У местных двойное дно. Он будет помогать, пока это не угрожает его позиции. Как только запахнет жареным он тебя сдаст первым.

Стандарт.

Стандарт. Крюков сел обратно. Тридцать дней, Марк. Это не просьба. Это условие выживания компании. Если мы не зайдём на площадку китайцы уходят, кредиты лопаются, акции падают. Я не преувеличиваю. Это вопрос жизни и смерти. Моей жизни. Моей смерти. А значит, и твоей.

Марк встал. Взял планшет.

Я поеду завтра.

Поезжай сегодня. Каждая минута на счету.

Марк шёл к двери. Крюков окликнул его.

Марк.

Тот остановился.

Ты же оттуда. Из таких мест. Отец геолог, мать медсестра, посёлок, тайга, всё такое. Ты понимаешь этих людей.

Поэтому вы меня и взяли.

Поэтому я тебя и взял. Не подведи.

Марк вышел из кабинета. Лифт вниз. Лобби. Дождь.

Квартира Марка была на Пречистенке. Третий этаж старого дома с высокими потолками, лепниной и скрипучим паркетом. Он купил её два года назад, потому что это было первое жильё, где ему не снились кошмары. Раньше были квартиры в новостройках безликие, белые, с окнами в пол, и в них ему каждую ночь снился деревянный дом, пьяный голос, удар, крик матери, запах самогона и крови. Здесь, в старой квартире с толстыми стенами, ему не снилось ничего. Или он не помнил.

Марк не включал свет. Сел на кровать в темноте. Открыл ноутбук. Папка «Северобайкальск2».

Он читал два часа. Геологические отчёты, карты месторождения, спутниковые снимки, демографические данные. Население: 1187 человек. Средний возраст: 47 лет. Рождаемость: 4 ребёнка в год. Смертность: 32 человека в год. Посёлок умирал медленно, но верно, как умирают все такие посёлки, не от взрыва, а от тишины, от пустоты, от того, что молодые уезжают и не возвращаются.

Он дошёл до досье Яны Ковалёвой.

*Родилась 14 апреля 1998 года в Северобайкальске². Отец: Сергей Петрович Ковалёв, геолог, погиб 3 ноября 2008 года при аварии на шахте 4. Мать: Софья Андреевна Ковалёва, умерла от рака лёгких в 2015 году. Образование: среднее, техникум (не окончила). Судимость: ст. 213 ч. 2 УК РФ (хулиганство с применением оружия), 6 месяцев колонии поселения, 2019 год. *

Фотография. Та самая: обветренное лицо, шрам, серые глаза. Она смотрела в камеру так, как смотрят люди, которые не боятся и не надеются. Просто смотрят.

Марк закрыл ноутбук. Лег. Смотрел в потолок.

Вспышка как всегда, без предупреждения, как удар: деревянный пол, запах керосина, отец стоит над ним, огромный, пьяный, в майке алкоголичке, и кричит: «Ты кто?! Ты кто такой, сука?! Ты мой сын?! Ты никто! Ты пыль! Я тебя в порошок сотру!» и удар, и падение, и вкус крови, и мама в дверях, бледная, немая, с полотенцем в руках...

Марк сел на кровати. Дышал. Минуту. Две.

Потом встал. Подошёл к сейфу. Открыл. Внутри пистолет Макарова, два магазина, паспорт на другое имя, пачка долларов.

Он посмотрел на пистолет. Закрыл сейф. Пистолет не понадобится. Там другое оружие.

Лёг снова.

Через час встал. Собрал чемодан. Термобелье, флис, свитера, аптечка, фонарь, нож.

Вызвал такси.

В аэропорту Шереметьево был в пять утра. Рейс на Иркутск в семь. Он сидел в зале ожидания, пил чёрный кофе, смотрел на экран с расписанием рейсов, и думал о том, что летит туда, откуда бежал двадцать пять лет назад.

В тот посёлок, где умер его отец. На ту землю, которую он ненавидел.

К тому озеру, которое ему снилось.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Дорога

Иркутск встретил его морозом.

Не московским «минус два с дождём», а настоящим, честным, сибирским минус двадцать восемь, сухой воздух, солнце, которое светит, но не греет, как лампочка в холодильнике. Выходя из терминала, Марк почувствовал, как мороз обжигает щёки, нос, уши, как ресницы мгновенно покрываются инеем, как лёгкие сжимаются от первого вдоха, словно кто-то влил в них жидкий азот.

Это был удар. И это было приятно. После московской сырости, после тёплых офисов и кондиционированных квартир, этот мороз был как пощёчина, которая возвращает в реальность.

У выхода стоял «УАЗ Патриот», грязный, с наклейкой «Байкал священное море» на заднем стекле и «Рыбалка —

это не хобби» на бампере. Водитель мужик лет сорока, в унтах и в тулупе вышел, открыл багажник.

Марк Викторович?

Я.

Дмитрий. Поехали. Четыре часа до места, если не засядем.

Не засядем.

Дмитрий хмыкнул, забросил чемодан в багажник.

Они выехали из Иркутска на рассвете. Трасса шла на север, вдоль Ангары, потом сворачивала на восток, в тайгу. Город остался позади быстро пятиэтажки сменились складами, склады заправками, заправки лесом. И через час не осталось ничего, кроме трассы, снега и деревьев.

Марк сидел на заднем сиденье. Смотрел в окно.

Тайга. Бесконечная, чёрно-белая, молчаливая. Ели, сосны, лиственницы все в снегу, все в инее, все одинаковые и все разные, если смотреть долго. Иногда между деревьями мелькало что-то избушка, столб, покосившийся крест у обочины, и исчезало. Иногда на дорогу выходили следы: волчьи, лисьи, лосиные, а однажды огромные, глубокие, медвежьи, хотя медведи в январе спят, и Дмитрий объяснил, что это, скорее всего, старый медведь шатун, который не лёг в спячку и теперь бродит в поисках еды, и лучше бы ему не попадаться на дороге, потому что шатун — это смерть.

Первый раз у нас? спросил Дмитрий, глядя в зеркало.

Нет. Детство тут провёл.

А. Ну, значит, помните.

Помню.

А что помните?

Марк подумал. Что он помнил? Запах. Запах тайги хвои, прелых листьев, влажной земли, который летом был таким густым, что можно было пить его, как воду. Звук. Звук тишины, который не был тишиной, а был тысячей звуков шорох, скрип, писк, шелест, слившихся в одно целое. Ощущение. Ощущение, что ты маленький, что лес огромный, что ты здесь гость, и гость нежеланный.

Помню, что холодно, сказал Марк.

Дмитрий рассмеялся.

Это верно. У нас всегда холодно. Даже летом холодно, просто по-другому.

Они ехали молча ещё час. Трасса сузилась, превратилась в две колеи, между которыми лёд. Патриот скользил, но Дмитрий вёл уверенно, как ведут люди, которые выросли на таких дорогах.

А посёлок? спросил Марк. Северобайкальск два. Что с ним?

Дмитрий замолчал. Потом сказал:

Посёлок живой. Пока.

Пока?

Ну, сами понимаете. Ваша контора, «СибРесурс», хочет его снести. Под карьер. Литий, говорят, нашли. Редкоземельные металлы. Говорят, это будущее, это технологии, это

прогресс. А людям говорят: берите квартиры в Иркутске, переезжайте, живите в цивилизации. А люди не хотят. Они тут родились, тут похоронили родителей, тут дети в школу ходят. Куда им в Иркутск? Что они там будут делать? В «Пятёрочке» работать?

А что они хотят?

А х.. их знает, честно сказал Дмитрий. Чтобы их оставили в покое, наверное. Им плевать на ваши миллиарды. Им важно, чтобы утром можно было выйти на крыльцо и увидеть озеро. Чтобы на кладбище к родителям ходить. Чтобы зимой рыбачить на льду. Простые вещи. Вы, городские, не понимаете простых вещей.

Я не городской, сказал Марк.

Нет, согласился Дмитрий, глядя в зеркало. Вы хуже. Вы бывший. Бывшие хуже чужих, потому что они предали.

Марк не ответил. Смотрел в окно.

Трасса повернула. Между деревьями открылось пространство огромное, белое, залитое светом.

Озеро.

Оно лежало в котловине, окружённое тайгой, и даже зимой, подо льдом и снегом, было видно, что оно огромно. Километры белого пространства, ровного, как стол, расчерченного трещинами, как сеткой. А в центре, там, где лёд был чистым, где снег сдуло ветром, бирюза. Та самая, нереальная, невозможная бирюза, которая бывает только здесь, только в январе, только в этот час, когда солнце висит низко над го-

ризонтом и лучи падают под углом, проникая в лёд и возвращаясь обратно уже другим цветом тем самым, от которого замирает сердце.

Марк смотрел на озеро. И чувствовал то, что не чувствовал много лет.

Что-то похожее на боль.

Останови, сказал он.

Что?

Останови, я сказал.

Дмитрий притормозил на обочине. Марк вышел.

Мороз ударил в лицо. Ветер нёс по льду позёмку, снежную пыль, которая сверкала на солнце. Марк стоял на обочине, в трёхстах метрах от воды, и смотрел на озеро.

Он помнил его. Помнил с самого детства, с тех пор, как отец впервые привёз его сюда, пятилетнего, и поставил на берег, и сказал: «Смотри, Марк. Это наш дом. Запомни этот цвет. Когда вырастешь, если забудешь всё остальное не забывая этот цвет».

Он забыл всё остальное. Но цвет нет. Бирюзу нет.

Марк стоял на обочине и смотрел на озеро, и чувствовал, как что-то внутри него, что он давно зацементировал, зашил, спрятал, начинает шевелиться. Как что-то живое подо льдом. Как рука, тянущаяся к поверхности.

Посёлок оказался таким, каким он его помнил, и одновременно чужим.

Пятиэтажки из силикатного кирпича, серые, с ржавыми

балконами, стояли, как солдаты на пенсии прямо, но уставшие. Деревянные дома с резными наличниками те, что остались, покосились, но не упали, держась друг за друга заборами и проводами. Улица Ленина (как и везде) «Пятёрочка», аптека, «Ритуальные услуги», почта. На лавке у магазина спал пьяница, укрытый газетой, и из-под газеты торчали валенки.

Но за домами, за трубами котельной, за крышами озеро. Оно было видно отовсюду, как икона в красном углу, как маяк, как обещание.

Дмитрий довёз его до гостиницы «Байкал». Трёхэтажное кирпичное здание с вывеской, от которой отвалились буквы «Б» и «Л», так что осталось «АЙКА». Внутри запах хлорки, супа и старости. Администраторша, женщина лет шестидесяти в вязаной кофте, выдала ключ от номера 12.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.